

ГОЛЫЙ ДИРЕКТОР

С сожалением признаю, что у всех моих соотечественников в крови есть необоснованный пиетет перед начальством и иностранцами. Иностранцев мы любим с петровских времён, в богоизбранность местного руководства поверили ещё раньше. Так и живём. Даже в ресторане, с рюмкой в руке, директор нашей компании для нас царь-батюшка. А самый заурядный грузчик из какого-нибудь Бристоля – увлекательный собеседник, достойный отдельного сюжета в новостях.

Иностранцев я давно уважать перестал, а вот раболепство перед своим и чужим руководством выжечь из сердца пока так и не получилось. Вижу директора шахты – и чуть не на цыпочки перед ним становлюсь, руки дрожат, пульс учащается.

И начальство, как назло, редко даёт усомниться в своей особости. Слухов всегда много, но лично я ни разу не видел, как большой руководитель напивается при всех до nepотpeбнoгo состояния, домогается женщин или, признавая свою ошибку, перед кем-нибудь извиняется.

Я всегда надеялся, что с опытом мои рабские привычки уступят место здоровому деловому этикету. Верил, что демократия победит хотя бы в моей отдельно взятой голове и я смогу спокойно и без заискивания разговаривать хоть с президентом. Но время идёт, а в отношениях между мной и боссами разных рангов ничего не меняется. Прямо скажем, надежды почти не осталось.

53 Как-то раз после смены я снимал грязную одежду в директорской гардеробной. Злой, уставший, голодный.

Я ещё даже не снял сапоги, как за мной зашли двое мужчин около сорока. Первым был главный инженер, а вот второго я ни разу не видел. Я поздоровался с главным инженером. Он поздоровался со мной.

И вдруг второй спросил:

– А вы почему переодеваетесь в директорской гардеробной?

– Потому что мне предоставили здесь шкафчик, – нехитро ответил я.

– И кто вам его предоставил?

– Гардеробщица.

– Разберёмся.

Мой ответ нечем было крыть. Настолько он был прост и непобедим. Разобраться с гардеробщицей – утопия. Поэтому я абсолютно не переживал за своё место в директорской гардеробной. Будь это хоть сам директор шахты, он ничего не смог бы сделать.

– Хорошо, – бесстрашно заявил я, решив поставить точку в нашем разговоре. Но точку ставить было рано.

– Я – Александр Владимирович, новый директор этой шахты.

– Приятно познакомиться. Я – Алексей из отдела внедрения инноваций.

Вот так я превратился из победителя спора за директорскую гардеробную в человека без отчества. Но и это было ещё не всё.

– Алексей, зайдите ко мне в пятницу после планёрки. Надо будет как-то поближе познакомиться, обсудить детали нашей дальнейшей работы.

– Хорошо. Обязательно зайду.

Я совсем сдался и даже снимать сапоги стал медленнее.

Директор уже разделся в соседней комнате и ушёл в душ, а я только стягивал подштанники. Было обидно в очередной раз проиграть своей слабости. Я думал, что можно было исправить в нашем разговоре и как стоит вести себя в пятницу. Я пытался представить, кто из моих знакомых мог повести себя более дерзко и хитро. Я переживал за судьбу русского народа, который всю жизнь страдает под гнётом самодуров-руководителей. На пару секунд я даже перестал раздеваться, сел на скамейку и просто завис, смотря в одну точку. Потом встал, на автомате взял мочалку, мыло, шампунь, полотенце и пошёл в душевую, где стоял абсолютно голый намыленный директор.

К такому зрелищу я оказался совсем не готов. Это был первый голый директор в моей жизни. Выглядел он уверенно. Наверняка директоров готовят к таким ситуациям на президентской программе по подготовке руководящих кадров. Директор смотрел на меня невозмутимо, как молодой жираф. Я же был, скорее, смущённым сурикатом, который не совсем понимает, что происходит.

– Здравствуйте, Александр, – сказал я.

Он тоже поздоровался.

В пятницу наше общение тоже не задалось.

С тех пор в душе я с директорами шахт не разговариваю.

В прошлом году я работал на очень необычной шахте. Можно сказать, сюрреалистичной. Шахта располагалась за полярным кругом, что уже довольно необычно. Она была вписана в прекрасную живописную тундру, в которую до этого был вписан уродливый серый город. В зависимости от точки зрения ты обнаруживал себя в загадочных исландских лавовых полях или на прозаичных бетонных развалинах ГУЛАГа.

С наступлением полярного дня диссонанс между уродливым и прекрасным только усиливался. Июньской ночью ты мог бегать на лыжах по сугробам в поисках полярных куропаток или участвовать в пьяной драке перед входом в единственный ночной клуб «Без тормозов».

Дома выглядели ужасно, но не менее интересно. Половина окон была выбита, так как люди стали уезжать из города ещё лет тридцать назад. Четверть окон имела нормальный человеческий вид, как в любой цивилизованной точке планеты. И, наконец, последняя четверть была заклеена фольгой или другим светонепроницаемым материалом. Ведь даже коренные жители Заполярья так и не научились пять месяцев в году спать ночью при дневном свете.

Больше всего от такого климата страдали киргизы, которые в огромных количествах ехали сюда работать на шахтах.

Непосредственно с нами киргизы не работали, зато каждый день с нами в одной клетке спускался карлик. Я так и не узнал, на каком участке он трудится и какую работу выполняет. Честно говоря, постеснялся спросить.

Зато кто работает директором шахты, спрашивать не пришлось. Савелева Александра Николаевна. Миниатюрная женщина лет сорока. Миниатюрная она была не как карлик, но значительно худее и чуть ниже, чем среднестатистическая россиянка. Александра Николаевна из всех украшений носила только обручальное кольцо. В отличие от начальника второго участка, который носил два массивных перстня на разных руках и серьгу в левом ухе.

Ещё на шахте работали два немца. Учёные. Консультировали местных геологов. Немцы так же, как и все, ходили в шахту, работали, мылись, иногда ругались. Ходили слухи, что однажды на выходных они напились и поругались с кем-то из местных так, что их переводчика чуть не посадили в тюрьму за оскорбление чувств верующих.

Наша бригада на шахте выделялась исключительно своей заурядностью. Мы выполняли нехитрую работу, ели нехитрую еду...

Правда в одну из пятниц, распаксовывая на общем столе тормозки, мы удивились тому, что там увидели. Я абсолютно без задней мысли взял с собой шпроты и оливки. Просто дома из еды остались только консервы, и я поленился идти в магазин. Ваня принёс мидии в масле и половину багета. «В магазине другого хлеба не было», – оправдывался Ваня. Саша из своего пакета достал два кусочка сыра: дорблю и камамбера. Он давно хотел их попробовать. Последним подошёл Толик, он робко извинился и выложил на стол два огромных грейпфрута. Грейпфрутам Толика мы удивились меньше всего. Он всегда был странным.

Только я начал открывать консервы, как к нам подошёл карлик и попросил ключ на двадцать четыре. Мне лень было лезть за ключом в грязный ящик с инструментами, поэтому я любезно предложил ему мидии. Он не стал отказываться. Мне больше всего понравился камамбер, карлику – оливки, Ване – дорблю, Толику – грейпфруты. А Саша любил экспериментировать, так что ему понравилось всё.

Позавтракав, мы отработали смену как обычно и поднялись на поверхность. И тогда со мной случилось самое примечательное событие: мне на электронную почту пришли обратные билеты домой. Моя командировка на Крайнем Севере закончилась. Это был единственный раз, когда я улетел из Заполярья.

1 066

После субботней пьянки на следующую неделю у меня осталось 1 066 рублей до пятничного аванса. Вот список трат, совершённых мной в период с 18 по 23 мая.

18 мая

21 рубль – булка белого хлеба. Хлеб сытный. Его можно есть при любых обстоятельствах. Обожаю хлеб.

37 рублей – пиво «Жигулёвское» живое. Спасительный эликсир.

9 рублей – плавленый сырок «Витязь». Потру его в макароны.

19 мая

21 рубль – проезд на работу. Может, на работе получится занять у кого-нибудь денег.

115 рублей – сигареты «Мальборо».

21 рубль – проезд с работы.

100 рублей – скинул на телефон.

20 мая

21 рубль – проезд на работу.

21 рубль – проезд с работы.

47 рублей – йогурт со вкусом клубники. Надо же будет чем-то завтракать.

35 рублей – три сосиски. Пожарю с картошкой.

19 рублей – две упаковки лапши быстрого приготовления. На всякий случай.

21 мая

21 рубль – проезд на работу.

402 рубля – счёт в кафе: 99 рублей – большой американо. Подаётся с кусочком шоколада. Дешевле в меню только хлеб. 159 рублей – средний латте. 20 рублей – крошка тёртого шоколада. Кажется, кто-то пойдёт завтра с работы пешком. 124 рубля – пирожное «Гастингс». На вид просто бисквит с кремом.

Это финансовая катастрофа. Катя оказалась прожорливее, чем я думал.

До аванса у меня осталось 197 рублей.

22 мая

18 рублей – проезд на работу. Вышел пораньше. Поехал на автобусе.

50 рублей – дал Кате на шариковую ручку, потому что у неё с собой не было наличных. Сдачу она, конечно, могла бы и сразу отдать. Хорошо ещё, что у меня 50 рублей одной бумажкой было.

15 рублей – полбулки белого хлеба. Хлеб дома кончился как-то быстро.

10 рублей – пучок колбы. Выгодно сторговался с одной бабушкой, потому что она уже собиралась уходить. С лапшой будет самое то.

23 мая

18 рублей – проезд на работу.

61 рубль – килька в томатном соусе. Решил себя побаловать.

ВЛАДИМИР

Наряд на смену был один и тот же уже несколько дней. И все этому только радовались. Бурение шло без осложнений, быстро, задорно, иногда даже с песнями (в зависимости от смены).

Владимиру, как и всем, такое положение вещей нравилось. Тем более он только что повысил свой разряд, а вместе с ним и авторитет среди сослуживцев. Теперь он не просто кидал штанги, но и иногда стоял за рычагами станка, что было физически легче, хотя со штангами у него всё получалось ловчее. Так играючи он управлялся с двадцатикилограммовыми труба-

ми, одним махом закидывая их в зажимной патрон станка, что ему даже прозвище дали соответствующее.

Бурение шло хорошими темпами и уже к середине смены Владимир с напарником Котянном приблизились к концу скважины. Каждая штанга залетала минут за пять. Оставалось двенадцать метров, девять, шесть – и вот скважина добурена, нужно только промыть её и можно поднимать буровой снаряд.

Владимир включил промывку и сел с напарником перекусить.

– Ну что, поедим – и подъём? – завёл разговор Владимир.

– Ага, только в этот раз давай по очереди.

– Само собой, я один восемьсот метров не подниму, – сказал Владимир и улыбнулся. На самом деле он лукавил. Бывало, и больше тысячи метров за смену поднимал, а это триста тридцать четыре штанги, между прочим.

Чтобы удобнее было укладывать штанги, Владимир смыл с трапов всю грязь и потоптался на них, чтоб не скользить. После этого он посыпал их песком на всякий случай. Перчатки у него были неновые, так что их не жалко. Напарник справил малую нужду в ближайшей сбойке и примерно часа за два до конца смены начался подъём.

За рычагами стоять было интересно, но настоящей страстью Владимира было кидать штанги. Каждое его движение было идеально отточено, как у профессионального спортсмена. Если бы подъём штанг стал олимпийским видом спорта – наш герой наверняка бы стал в нём чемпионом, а потом и президентом федерации. Об обращении со штангами Владимир знал всё. Как их лучше смазывать, чтобы расходовать меньше смазки (но она при этом не смывалась), как закидывать штангу на стеллаж, где удобнее писать порядковый номер и какой мел для этого лучше подходит. В вопросах штанг ему не было равных.

Котян уверенно стоял за рычагами, хотя иногда и путался. Не из-за недостатка опыта, а из-за того, что хотел побыстрее закончить работу, чтобы взять на следующий день отгул. Но выходило у него всё равно довольно ловко. Он как будто играл на пианино: отъехал зажимом, закрыл штангодержатель, раскрутил штанги, открыл вращатель, проехал вперёд, закрыл вращатель, и всё по новой.

Темп взяли хороший: сорок – сорок пять секунд на штангу. Не рекорд, конечно, но и уста-

вать раньше времени никто не хотел. Тем более что у Владимира на завтра по графику стоял выходной. В его планах было выпастыся, приготовить плов, а вечером сходить с женой в кино.

Все мелочи, о которых Владимир так предусмотрительно позаботился, сэкономили его силы и время. Благодаря чистым трапам, посыпанным песком, сапоги не скользили, и он уверенно шагал от стеллажа к станку и обратно. Старые перчатки позволяли не беспокоиться о возможности посадить занозу или просто замарать руки в масле и смазке. Даже сам стеллаж со штангами был расположен так удобно, что Владимир мог совершать минимум движений, перенося штангу и складывая её к уже поднятым.

Стоило только Котяну проехать зажимным патроном место соединения штанг, Владимир тут же брал её в руки, располагаясь к станку вполоборота, делал шаг назад и закидывал штангу на стеллаж. Каждый раз несложный алгоритм заканчивался победным звуком падения стали на сталь, который был почти неслышен для Котяна из-за шума станка, но ласкал слух Владимира.

После семидесяти штанг Котян предложил поменяться. Теперь Владимир стоял за ручками, а его напарник занялся физическим трудом. У Котяна всё выходило не так красиво, хотя на первый взгляд это и не бросалось в глаза. Ему приходилось делать два шага к стеллажу вместо одного, так как он был ниже и руки у него были короче. Котян часто не мог ухватить штангу с первого раза, так как его перчатки скользили, но и Владимир не торопился с раскручиванием штанг, так как немного волновался из-за своей неопытности и помнил высокую цену ошибки. Одно неверное движение – и он в лучшем случае повредит штангу ценой тридцать тысяч рублей, а в худшем – потеряет оборудования на несколько миллионов. На глубине шестьсот метров потерять инструмент – врагу не пожелаешь.

Котян немного вспотел и запыхался, но всё ещё выглядел бодрым и весёлым.

– Сколько время? – спросил он.

– Десять почти. Ещё час до конца смены.

– Блин, мы же так не успеем.

– Куда не успеем? На дизель?

– Подъём сделать не успеем.

– А зачем нам с подъёмом успевать? У нас наряд был «бурение». Мы и так с опережением плана идём.

– Мне Галя обещал отгул завтра, если подъём за смену закончим.

56

— А чё ж ты сразу не сказал?! Могли бы с са-
мого начала поторопиться, а вот теперь уже точ-
но не успеем.

— Давай на дизель попозже пойдём.

— Ага, а если опоздаем?

— Попросим проходчиков, чтоб задержали.

— А зачем тебе отгул-то завтра?

— Я девушку на свидание в кино пригласил.

Давно к ней клинья подбиваю, и она тут согласи-
лась, а у меня завтра четвёртая смена стоит. Ну
я у Галиева просил отгул, он ни в какую. Потом
помолчал, посмеялся своим гадким смехом
скрипучим и говорит, если подъём сделаю, могу
завтра не выходить, он прогул не поставит.

— Интересные вы, ребята. Подъём они сде-
лают! А меня не хотел спросить?

— Да я думал, и так успею с тобой. Ты же
лучший помбур на участке.

После этих слов Владимир разъединил по-
следнюю пару штанг и остановился. Котян испу-
гался, что его сейчас будут бить. Владимир хоть
и работал на участке не так давно, был старше и
здоровее его.

Но вместо ударов на молодого татарина по-
сыпались дельные советы:

— Так, поднимай тогда последние десять
штанг и потом становись за рычаги, а я на штан-
ги. И так до конца. При подъёме смотри на рыча-
ги. Друг с другом не разговариваем. Не пьём. Не
ссым. Не останавливаемся.

Слова вылетали из Владимира, как из авто-
мата, но для Котяна они звучали как музыка. На
все предложения он сказал «да» и поднял свои
крайние десять штанг на одном дыхании. Потом
напарники поменялись.

Перед тем как начать подъём, Владимир
снял свою шапку, ставшую за шесть месяцев ра-
боты на шахте легендарной. Обычно шахтёры
носили тонкие подшлемники, чтобы каска не на-
тирала голову и зимой не мёрзли уши, но Влади-
миру подшлемника было мало. Он взял армей-
скую ушанку, аккуратно отрезал у нее уши, чтобы
не мешали, жена прострочила края на машин-
ке — и шапка была готова. Каска на ней смотре-
лась нелепо и поначалу на участке над Влади-
миром посмеивались, но через какое-то время
она стала чем-то вроде священного Грааля
участка ПРТБ. Шапка даже пропадала из разде-
валки на один день, но то ли у вора проснулась
совесть, то ли кто-то надевал её на особо важ-
ную смену и надеялся, что ушанка без ушей при-
несёт ему удачу. Шапка была хороша для всего,

но не для подъёма двухсот штанг. В ней Влади-
мир бы просто спарился.

Пока Вова вешал шапку на проволоку и на-
девал каску обратно, Котян уже разъединил оче-
редную штангу и был готов продолжить подъём.

Новый темп, взятый Владимиром, был зна-
чительно выше предыдущего. Теперь на каждую
штангу уходило секунд двадцать пять — трид-
цать. Захват, поворот, бросок; захват, поворот,
бросок. Теперь он свёл свои движения до абсо-
лютного минимума.

Чтобы не зацикливаться на штангах, Влади-
мир стал напевать в голове песни Игоря Никола-
ева. Сначала «Поздравляю» и «Прости и отпу-
сти», потом пошли более весёлые песни вроде
«Как ты прекрасна» и «Выпьем за любовь». Ког-
да знакомые песни кончились, он стал мыслен-
но готовить завтрашний плов: варил рис, обжа-
ривал лук с морковкой, предварительно купив на
рынке куркумы и барбариса. Барбарис найти бу-
дет непросто. У нас в краях это редкость.

Иногда Котян бессвязными криками вроде
«Эх» и «Твою дивизию» возвращал Владимира
из мира поп-музыки и кулинарии к подъёму
штанг. И снова захват, поворот, бросок; захват,
поворот, бросок. Трапы снова стали скользкими
ещё сорок штанг назад. Жалко, что у станка не
было опилок. Их рассыпать гораздо приятнее,
чем песок. И сапоги потом отмывать легче.

— Стоп!

— А?!

— СТОП! — уже криком кричал Владимир.
Котян заглушил станок. Шум плавно стих.

— Что случилось?

— Проходчики идут. Поговорить надо с ними.

В штреке замелькали фонари проходчиков, и
Владимир стал кричать уже в их сторону.

— Э, мужики! Вы на дизель идёте?

— Да!

— Задержите его, если что. У нас просто
подъём сегодня. До конца смены надо успеть.

— Ага. Стахановцы, блин! Вы тут рекордные
планы выполняете, а мы из-за этого должны до-
мой опаздывать. А потом ещё нам на участке бу-
дут рассказывать, какие вы молодцы и какие мы
отсталые. Давайте не выпендривайтесь и пошли
вместе на дизель.

— Я тебе говорю, подъём у нас!

Владимир понимал, что разжалобить про-
ходчиков историей про Котяна и девушку, к кото-
рой он подбивал клинья, не получится, а сам Ко-
тян в этот разговор даже не думал лезть, потому

что испытывал необъяснимый трепет перед проходчиками. Они и зарабатывали больше, и выглядели здоровее, казалась, даже насвай* у них был вкуснее, чем на других участках.

Владимир подождал, пока пройдут проходчики, и спросил Котяна:

– Сколько времени осталось?

– Минут двадцать до отъезда дизеля.

– Ну если до него бежать, то у нас ещё минут пятнадцать есть.

– Слушай, а если передать на участок, что мы закончили подъём? В первую смену же Мстислав на станок пойдёт. Попросим, чтоб он подъём закончил. Если что – я ему даже представлюсь.

– Ага. Ты чё, не знаешь его? Он и подъём не сделает, и тебя сдаст на участке. Сколько ещё штанг осталось?

– Штанг пятьдесят.

На самом деле Котян периодически сбивался со счёта, отвлекаясь на мысли о том, что он наденет завтра в кино. Главным вопросом было: стоит ли надевать галстук или это уже слишком. В итоге он подозревал, что в скважине не меньше шестидесяти штанг, но специально скинул их количество до более-менее приемлемого. Он понимал, что больше пятидесяти штанг поднять до конца смены нереально, Владимир в любой момент может всё бросить и пойти на дизель вместе с проходчиками.

– Если сейчас пятьдесят штанг поднимать, то на дизель не бежать, а лететь придётся.

– Вов, если до конца смены успеем, я на дизель не то что полечу – я ещё и тебя на руках понесу.

Владимир уже очень устал, но не хотел показывать вида. Сегодня в его планы не входило разрушить свой героический ореол короля подъёма. И они продолжили раскручивать штанги. Движения были уже не такими отточенными. Небольшая пауза на разговоры не помогла восстановить силы, а скорее наоборот – расслабила. Захват, поворот, попытка удержать равновесие, шаг, бросок, толчок штанги; захват, поворот, попытка удержать равновесие, шаг, ещё шаг, бросок, толчок штанги; захват, перехват штанги поудобнее, поворот, попытка удержать равновесие, шаг, бросок, заталкивание новой штанги к остальным. На этот раз Владимир уже ни на что

не отвлекался. На песни Игоря Николаева не осталось сил. Теперь он внимательно считал штанги. Один, два, три, четыре, пять, шесть. Кажалось, уже слышен звук заводящегося дизеля. Семь, восемь, девять, десять, одиннадцать. Ноги разъезжались на скользких трапах. При приёме каждой штанги Владимиру казалось, что он вот-вот потеряет равновесие и упадёт. Двенадцать, тринадцать, медь...

– Чёрт! Котян, ты как считал?!

Владимир изо всех сил пытался выглядеть злым, но на самом деле он был просто счастлив. Они дошли до медных штанг, а это значит – подъём окончен.

Котян замешкался, не зная, как ему реагировать.

– Глуши станок и побежали на дизель!

Заглушив станок, убрав инструменты в ящик и закрыв его, напарники быстро поняли, что бежать особо никуда не нужно. Фонари проходчиков были ещё видны впереди, а значит, дизель ещё даже не собирался никуда ехать.

Владимир и Котян догнали проходчиков, когда те уже садились в дизель. Они молча залезли следом и промолчали так до самого подъёма на поверхность. Слова тут были не нужны. Оба были довольны собой и друг другом. Оба гордились проделанной работой. Пробурили восемьдесят четыре метра и подняли почти восемьсот. Такое дело нельзя было не отметить.

Только в ламповой Владимир разрушил торжественное молчание.

– Ну что, ты проставляешься.

– Пряма щас?

– А что, проблемы какие-то?

– Давай тогда у тебя дома.

Владимир не стал спрашивать, почему Котян не хочет пить у себя дома. Не хотел случайно наступить на больное, да это было и не важно. Ведь уже через пятьдесят три минуты напарники выпили первую рюмку водки. Оба понимали ценность следующего выходного дня. Его хотелось провести с максимальной пользой, поэтому уже через сто двадцать пять минут Владимир и Котян омерзительно пьяные мирно лежали на полу. Владимир спал рядом с Котяном не потому, что у него дома не было софы или раскладушки для гостей, а из солидарности, так как жена запрещала спать на новом дорогом диване всякому пьяному элементу. А свою жену Владимир любил и правила, установленные ею, уважал.

* Насвай – вид некурительного табачного изделия, традиционный для Центральной Азии.